

Савенков А.Н. РГГУ. РАШ. 2009.
Магистрант 2-го года обучения.

Работа по курсу Н.Г. Полтавцевой [«Восприятие советского дискурса в современной культуре»](#).

Культура 0,5 или «хулы не будет».

Эпиграф:

«Наверху сильная черта. Обладай правдой, когда пьешь вино. Хулы не будет. [Если] помочишь голову, [то, даже] обладая правдой, потеряешь эту [правду]». Последняя черта 64-й гексаграммы Вэй цзи – «Еще не конец». Из И-цзин, Книги Перемен. Перевёл Щуцкий, Юлиан Константинович.

- Меня больше всего интересовала граница между 20-ми и 30-ми годами – говорит Владимир Паперный, - когда действительно вдруг геометрические формы конструктивизма сменились чем-то совсем на это непохожим. И чем больше я углублялся в этот материал, тем больше мне становилось ясно, что архитектура как бы не самостоятельная в этом смысле дисциплина, потому что все, что происходило в других областях - в политике, в литературе, в кино, в газетной лексике, в текстах правительственных постановлений, - все это происходило каким-то похожим образом. Я попытался увидеть сходные процессы, как они синхронно происходили в разных областях культуры. Я описал вот эту культуру 20-х годов и условно назвал ее "*Культурой Один*", а культуру сталинской эпохи условно назвал "*Культура Два*". Для меня эти цифры, один и два, - я их использовал для того, чтобы подчеркнуть отсутствие оценок. Я совершенно не хотел сказать, что одна - хорошая, другая - плохая, одна - за свободу, другая - за тоталитаризм. Я пытался абсолютно избежать каких бы то ни было оценок.¹

На примере истории русской архитектуры Владимир Паперный «демонстрирует возможность описания советской действительности с помощью двух идеализированных моделей — культуры 1 и культуры 2. ...я бы позаимствовал из арсенала структурной антропологии Леви-Строса введенное им различие *холодной* и *горячей* культуры. – Комментирует произведение Вяч. Вс. Иванов. - *Горячая* культура вся сосредоточена на открытии необычного, для нее главное — не повторить уже пройденное, такой была культура русского авангарда, созданная умопомрачительно богатым и пестрым сообществом фантастически одаренных людей, соревновавшихся в смене все более удивительных и взаимоисключающих дерзких новшеств. К этой культуре, безусловно, принадлежит и сама книга Паперного. В отличие от нее *холодная* культура занята учреждением Олимпа, ценности которого постоянны, такова была сталинская культура, все главное предпочитавшая сводить к одной снежной вершине²».

- ...я попытался включить архитектуру в культуру, - продолжает своё интервью корреспонденту радио «Свобода» Елене Фанайловой Владимир Паперный - а не

¹ Интервью Владимира Паперного с Еленой Фанайловой. Радио «Свобода». 28.05.2006. 12:00.
<http://www.svobodanews.ru/content/transcript/159250.html>

² Вячеслав Иванов. О книге Владимира Паперного «культура ДВА»
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/papern/intro.php

рассматривать ее как самостоятельную дисциплину. Если говорить огрубленно, то "Культура Один" - это культура растекания...³

Далее по тексту интервью.

Елена Фанайлова: А можно ли говорить, что какой-то социальный взрыв или выброс социальной энергии сопутствует "Культуре Один"?

Владимир Паперный: Ну, он в данном случае сопутствовал, но это не обязательно. Во всяком случае, это всегда связано с растеканием, разрушением границ, разрушением границ между странами, между городами, границ между архитектурными сооружениями. И наоборот, "Культура Два" - это культура застывания, ... всюду возникают границы, движение останавливается, а в архитектуре особое значение приобретают входы и выходы, потому что это точки пересечения границы между внешним и внутренним пространством...

Елена Фанайлова: Спасибо Владимиру Паперному за это выступление. Теперь я бы хотела послушать остальных. Мы можем говорить о том, чего больше в 2000-е - "Культуры Один" или "Культуры Два". Я, например, поняла, что разрушение Берлинской стены и, вообще, раскрытие всех европейских границ - это проявление "Культуры Один"?

Владимир Паперный: Конечно.

- Но мы и на самом деле живем в то время, когда обе культуры, описываемые в книге Паперного, продолжают свое существование...⁴ - Поддерживает из иного пространственно-временного континуума Вяч. Вс. Иванов.

Елена Фанайлова: А кто-нибудь готов еще поговорить о том, как проявляется "Культура Один" и "Культура Два" в 2000-е?

... Собственно говоря, единственное критическое высказывание - это статья Григория Ревзина ... в газете "Коммерсантъ", она как раз и ставит ... вопрос: насколько пространство этой книги, ... этот критический аппарат ложится на современную реальность, насколько он в состоянии ее описать? А мне вот как раз не кажется, что это какой-то ужасный вопрос, которым мы должны задаваться. Мне как раз очень любопытно поискать какие-то вот эти черты "Культуры Один" и "Культуры Два" в современной жизни, чем я и вас просто умоляю сегодня вместе со мной заняться.⁵

Из третьего пространственно-временного континуума на призыв Елены Фанайловой отвечает известный аналитик культуры, писатель Виктор Пелевин своим рассказом «Девятый сон Веры Павловны». Этот рассказ описывает Перемены, связанные с изменениями душевного состояния человека, попавшего под колёса Эпохи 90-х годов, когда Культура Два замещалась не чем иным, как Культурой Один, в отличие от дня сегодняшнего, где, по мнению ряда экспертов, происходит ровно наоборот.

Так, как же происходило это замещение? Давайте прочтём.

«Произошло это так: в уборную (главная героиня Вера работает уборщицей общественного туалета в центре города – А.С.) спустились несколько праздничных

³ Интервью Владимира Паперного с Еленой Фанайловой. Радио «Свобода». 28.05.2006. 12:00.
<http://www.svobodanews.ru/content/transcript/159250.html>

⁴ Вячеслав Иванов. О книге Владимира Паперного «культура ДВА»
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/papern/intro.php

⁵ Интервью Владимира Паперного с Еленой Фанайловой. Радио «Свобода». 28.05.2006. 12:00.
<http://www.svobodanews.ru/content/transcript/159250.html>

пролетариев с большим количеством идеологического оружия - огромными картонными гвоздиками на длинных зеленых шестах и заклинаниями на специальных листах фанеры.

...Сильней, чем мочой и хлоркой, запахло портвейном; зазвучали громкие голоса. Сначала доносился смех и разговоры; потом вдруг стало тихо и строгий мужской голос спросил:

- Что ж ты ...на пол льешь специально?

- Да не специально я, - затараторил неубедительный тенор, тут бутылка нестандартная, горлышко короче. ... Проверь сам, Григорий! У меня рука всегда автоматически...

Тут раздался звук удара во что-то мягкое и одобрительная матерная разноголосица, но после этого пикник как-то быстро сошел на нет, и голоса, гулко взыв напоследок... исчезли. Тогда только Вера решилась выглянуть из-за угла.

В центре кафельного холла сидел на полу мужичонка с расквашенной мордой и через равные интервалы времени плевал кровью на залитый портвейном кафель. Увидев Веру, он отчего-то перепугался, вскочил на ноги и убежал на улицу, под открытое небо. После него в холле осталась мокрая надломленная гвоздика и маленький транспарант с кривой надписью: "Парадигма перестройки безальтернативна!" Вера совершенно не поняла, какой в этих словах заключен смысл, но долгий опыт жизни ясно говорил: началось что-то новое, и даже не верилось, что это новое вызвано *ею*».

Дело в том, что в рассказе присутствует образ предшествующей Вере ипостаси, это старая уборщица женской половины общественного туалета Маняша, как бы Верино «второе Я», нить, связывающая Веру с мудростью ещё той, предшествующей, Культурой Один⁶. Маняша открыла Вере тайну запуска механизма смены культур и Вера тут же этой тайной воспользовалась, пожелав осуществления фрагмента внешней атрибутики неизведанной для неё альтернативы, не размышляя об остальных возможных компонентах набора. – «Хочу, чтоб на стенах висели картины и играла музыка», - пожелала Вера, и перемены начались.

«Перестройка ворвалась в сортир на Тимирязевском бульваре одновременно с нескольких направлений. Клиенты стали дольше засиживаться в кабинках, оттягивая момент расставания с осмелевшими газетными обрывками; на каменных лицах толпящихся в маленьком кафельном холле педерастов весенним светом заиграло предчувствие долгожданной свободы, еще далекой, но уже несомненной; громче стали те части матерных монологов, где помимо господ Бога упоминались руководители партии и правительства; чаще стали перебои с водой и светом.

Никто из вовлеченных во все это толком не понимал, почему он участвует в происходящем - никто, кроме уборщицы мужского туалета Веры...»

«...количество пустых бутылок, которое приносил день, стало падать, а народ стал злее. Но вот однажды в туалете появилась компания зашедших явно не по нужде. Они были в одинаковых джинсовых костюмах и темных очках, а с собой у них был складной метр...

Гости обмерили входную дверь, озабоченно оглядели все помещение и ушли...

Еще через несколько дней они появились в сопровождении человека в *коричневом* плаще и с *коричневым* портфелем. Вера знала его, это был начальник всех городских туалетов. Вели себя прибывшие непонятно - они ничего не обсуждали и не измеряли, как в прошлый раз, а просто прохаживались взад и вперед, задевая плечами спины переливающихся в писсуары (как зыбок мир!) трудящихся, и время от времени замирали, мечтательно заглядываясь на что-то, Вере и посетителям невидимое, но, очевидно, прекрасное: об этом можно было догадаться по улыбкам на их лицах и по тем удивительным романтическим положениям, в которых застывали их тела».

⁶ С этого момента Культура Один и Культура Два - КО и КД. Прим. С.А.

При прочтении этого фрагмента из глубин моей памяти непременно всплывают мечтательные глаза раннего либерального экономиста Егора Тимуровича Гайдара.

«Вера не смогла бы выразить своих чувств словами, но поняла она все безошибочно, и на несколько мгновений перед ее глазами встала когда-то висевшая у них в детдоме репродукция картины "Товарищи Киров, Ворошилов и Сталин на строительстве Беломоро-Балтийского канала". А еще через два дня Вера узнала, что теперь работает в кооперативе.

Обязанности остались, в общем, прежние, но невероятно изменилось все вокруг... Сначала бледный советский кафель на стенах заменили на крупную плитку с изображением зеленых цветов. Потом переделали кабинки - их стены обшили пластиком под орех; вместо строгих унитазов победившего социализма поставили какие-то розово-фиолетовые пиршественные чаши, а у входа установили турникет, как в метро - только вход стоил не пять, а десять копеек». - Вот смена архитектурных элементов КД непосредственно по Владимиру Паперному.

«В завершение этих изменений Вере подняли зарплату на целых сто рублей в месяц и выдали новую рабочую одежду: красную шапку с козырьком и черный полухалат-полушинель с петлицами - словом, все как в метро, только на петлицах и кокарде сверкала не буква "М", а две скрещенные струи, выбитые в тонкой меди».

Вот-вот появятся картины и музыка, но автор акцентирует своё внимание на появлении уже тревожных тенденций в происходящем:

«Две соединенные кабинки (служебное помещение - А.С.), где раньше можно было хотя бы поспать, теперь превратились в склад туалетной бумаги, куда уже было не втиснуться. Теперь Вера сидела возле турникетов в специальной будке, похожей на трон марсианских коммунистов из фильма "Аэлита", улыбалась, разменивала деньги...»

«Жить постепенно становилось все лучше - ... появились зеленые бархатные портьеры..., а на стене у входа - купленная в обанкротившейся пельменной картина, в какой-то странной перспективе изображавшая тройку: трех белых лошадей, впряженных в заваленные сеном сани, где, не обращая никакого внимания на бегущих следом сосредоточенных волков, сидели трое - два гармониста в расстегнутых полушубках и баба без гармонии (отчего гармонь казалась признаком пола). Единственным, что смущало Веру, был какой-то далекий грохот или гул, иногда доносившийся из-за стен...» - опять тревожные признаки КО.

«Новым начальником был румяный парень в джинсовой куртке и темных очках - он появлялся на месте редко, и как понимала Вера, курировал еще два-три туалета. Вере он казался очень загадочным и могущественным человеком, но однажды выяснилось, что управляет всем вовсе не он».

А «...пожилой толстый гном с большой рыжей бородой, в красной кепке и красной заграничной майке... Гном был крошечный, но держался так, что казался выше всех. Быстро оглядев помещение, он открыл портфель, вынул связку печатей и приложил одну из них к листу бумаги, торопливо подставленному начальником Веры. После этого он дал какую-то короткую инструкцию, ткнул молодого человека в черных очках пальцем в живот, захохотал и исчез - Вера даже не заметила, как: стоял напротив зеркала, и - нету, словно нырнул в какой-то только для гномов открытый подземный ход».

Оказалось, что, несмотря на внешнюю произвольность растекания КО, делами таки продолжают управлять некие невидимые гномы, которые по своим функциям ничем не отличаются от бывших «коричневых» руководителей. А только еще беспринципнее и наглее первых.

«...однажды туалет посетил отец братского народа маршал Пот Мир Суп - ехал

в Кремль, да не стерпел по дороге. С ним была уйма народу, и пока он сидел в кабинке, возле Вериной будки на длинных флейтах играли какую-то протяжную и печальную мелодию три волнующихся накрашенных пионера - так трогательно и хорошо, что Вера украдкой всплакнула.

Вскоре после этого случая Верин начальник принес с собой магнитофон и колонки, и уже на следующий день в сортире заиграла музыка».

Так свершился апофеоз Вериных пожеланий, и в нём видимо воплотились лучшие дни подъёма КО: «В кабинках зашуршала настоящая туалетная бумага - не то, что раньше. На умывальниках появились куски мыла, рядом - настенные электрические ящики для сушения рук». – Но Виктор Пелевин снова подсвечивает нам КО с тревожной стороны: «Теперь к Вериным обязанностям добавилась еще одна - переворачивать и менять кассеты»...

И наконец: «Все было бы прекрасно, если б не одна странность, сначала почти незаметная и даже показавшаяся галлюцинацией.

Вера стала замечать какой-то странный запах, а сказать откровенно - вонь, на которую она раньше не обращала внимания. По какой-то необъяснимой причине вонь появлялась тогда, когда начинала играть музыка - точнее, не появлялась, а проявлялась. Все остальное время она тоже присутствовала - собственно, она была изначально свойственна этому месту, но до каких-то пор просто не ощущалась из-за того, что находилась в гармонии со всем остальным - а когда на стенах появились картины, да еще заиграла музыка, вот тут-то и стало заметно то особое непередаваемое туалетное зловоние, которое совершенно невозможно описать, и о котором некоторое представление дает разве что словосочетание "Париж Маяковского"».

Между тем, второй сюжетной линией рассказа разворачиваются отношения Веры и её «второго Я» из прошлых культурных парадигм, Маняши.

«Как-то вечером к Вере зашла Маняша, послушала увертюру к "Корсару", и вдруг тоже заметила вонь.

- Ты, Вера, никогда не задумывалась над тем, почему наши воля и представление образуют вокруг нас эти сортиры? - спросила она.

- Задумывалась, - ответила Вера. - Я давно над этим думаю, и никак не могу понять. Я знаю, что ты сейчас скажешь. Ты скажешь, что мы сами создаем мир вокруг себя, и причина того, что мы сидим в сортире - наши собственные души. Потом ты скажешь, что никакого сортира на самом деле нет, а есть только проекция внутреннего содержания на внешний объект, и то, что кажется вонью - на самом деле просто экстериоризованная компонента души. Потом ты прочтешь что-нибудь из Сологуба...

- И мне светила возвестили... - нараспев перебила Маняша,

- Во-во, или еще что-нибудь в этом роде. Все верно?

- Не вполне, - ответила Маняша. - Ты допускаешь свою обычную ошибку. Дело в том, что в солипсизме интересна исключительно практическая сторона. Кое-что в этой области уже сделано - вот, например, картина с тройкой, или эти цимбалы - бум, бум! Но вот вонь - в какой момент и почему мы ее создаем?» -

Вероятно, вопрос можно отнести к тому, почему на смену КО всё-таки снова приходит КД. События в рассказе развиваются. Либерально-демократические ценности тоталитаризма претерпевают свою экономическую эволюцию:

«Прошло два-три дня, и вот зеленую штору на входе откинули несколько посетителей, сразу же напомнивших Вере тех первых, в джинсовых куртках, с которых все и началось. Только эти были в коже и еще румяней - а в остальном вели себя так же, как и те - медленно ходили по помещению, тщательно оглядывая все вокруг. И вскоре Вера узнала, что туалет закрывают, и теперь здесь будет комиссионный магазин.

Ее так и оставили уборщицей, а на время ремонта даже дали оплачиваемый отпуск - Вера хорошо отдохнула и перечитала некоторые книги по солипсизму, до которых никак не доходили руки. А когда она в первый день вышла на новую работу, уже ничего не напоминало о том, что в этом месте когда-то был туалет»...

«...там, где раньше были писсуары - помещался длинный прилавок с одеждой, а напротив - стойка с радиоаппаратурой. В дальнем конце зала висели зимние вещи - кожаные плащи и куртки, дубленки и женские пальто, и за каждым прилавком теперь стояла похожая на народную артистку США продавщица».

«Работы стало намного меньше, а денег - просто уйма».- Как говорится: чего не жить? - «Теперь Вера ходила по помещениям в новом синем халате, вежливо раздвигала толпящихся посетителей и протирала сухой фланелевой тряпочкой стекла прилавков, за которыми новогодней разноцветной фольгой мерцали жевательные резинки и презервативы, отсвечивали пластмассовые клипсы и броши, мерцали очки, зеркальца, цепочки и карандашники» ... «"все мысли веков! все мечты! все миры!" – тихонько шептала Вера...»

«Затем, во время обеденного перерыва, надо было вымести грязь, которую на своих башмаках принесли посетители, и можно было отдыхать до самого вечера».

Однако Виктор Пелевин вновь озадачивает читателя тревожными симптомами:

«С тех пор, как мужской туалет перенесли на Маняшину половину и объединили с женским, Маняша сильно изменилась - стала меньше говорить и реже заглядывать в гости».

Встречи со «вторым Я» стали реже. – Счастье же не прекращалось, к чему эти раздвоения?

Но однажды Вера, «разгибаясь от витрины, краем глаза заметила что-то странное - вымазанного говном человека. Он держался с большим достоинством и двигался сквозь ...толпу к прилавку ... Вера вздрогнула и даже выронила тряпку - но когда она повернула голову, чтобы как следует рассмотреть этого человека, оказалось, что с ней произошел обман зрения - на самом деле на нем просто была рыже-коричневая кожаная куртка».

«Но после этого случая такие обманы зрения стали происходить все чаще и чаще»... - То бишь, стали похожими на прозрение!

«За стенами теперь почти все время что-то тихо, но грозно рокотало, как будто тихо шептал какой-то исполин: звук был негромким, но рождал ощущение невероятной мощи».

«Вокруг появились *новые люди*... Они продавали и покупали всякую мелочь ... Внешне это выглядело торговлей, но Вере очень трудно было перестать видеть самую явную для нее на свете вещь - как пришибленный советский люд толпился вокруг, робко пытаясь купить кусочек говна подешевле».

Новые люди – это, конечно, люди КО. Однако только в очень широком смысле их можно было бы назвать художниками- конструктивистами.

«Вера стала присматриваться к *новым людям*. Сначала стали заметны странности с их одеждой: некоторые вещи, надетые на них, упорно выдавали себя за говно, или, наоборот, размазанное по ним говно упорно выдавало себя за некоторые вещи. Лица многих из них были вымазаны говном в форме черных очков; говно покрывало их плечи в виде кожаных курток и джинсами облегалo ноги. Все они были вымазаны говном в разной степени; трое или четверо были покрыты им полностью, с ног до головы, а один – в несколько слоев; к нему народ подходил с наибольшим почтением.

Вокруг крутилось множество детей...».

И вот тут трогательная подробность: «Один мальчик очень напоминал Вере ее брата, когда-то утопленного в пионерлагере, и она внимательно следила за тем, что с ним происходит. Сначала он просто сообщал покупателям, у кого из обмазанных говном они могут купить ту или иную вещь, и даже сам подлетал ко входящим и спрашивал:

- Что нужно?

Вскоре он уже продавал какую-то мелочь сам, а однажды днем Вера, переставляя по полу ведро по направлению к прилавку с огромными черными кусками говна со строгими японскими именами, подняла глаза и увидела его сияющее счастьем лицо. Посмотрев вниз, она увидела, что его ноги, на которых раньше были ботинки, теперь густо вымазаны тем же самым, чем было покрыто большинство стоящих вокруг. Чисто инстинктивным движением она провела по ним тряпкой, а в следующий момент мальчик довольно грубо отпихнул ее.

- Под ноги надо смотреть, дура старая, - сказал он и продемонстрировал ей вынутый из кармана кукиш, который после секундного размышления переделал в кулак.

И тут Вера поняла, что пока она управляла миром, к ней пришла старость, и впереди теперь только смерть».

Вот и завершился подъём на вершину КО. И не существует сравнения в качественных характеристиках между двумя лицами: побитым человеком, разливавшим портвейн, застенчиво робующим перед уборщицей общественного туалета из прошлой культуры, и малолетним либерально-демократическим экономистом с говном вместо ботинок из нынешней. Ясным оказалось только одно: цикл завершён. И кроме него ничего нет. То, что есть, не может не обречь КО на сползание к КД, ибо таков есть круг Инь и Ян, ибо в очередной раз не обнаружено точки бифуркации, и поэтому «пришла старость, и впереди теперь только смерть».

«Торжество культуры два – пишет Вяч. Вс. Иванов - видно и в том, как ей удастся на свой лад приручить никому было не подчинявшуюся и дикую культуру один. Ее создателей перемещают на Олимп культуры два. Раньше Малевича и Кандинского прятали в запасниках музеев, и это доказывало длящуюся взрывоопасность их искусства. А теперь они переведены в разряд классиков, им положено подражать. Этим их как бы обезвредили, дезинфицировали. На те выставки, куда ломались толпы, заходят редкие посетители.⁷» - что мы и наблюдали, будучи среди них.

Однако сканированное изображение Эпохи Перемен, сделанное Виктором Пелевиным, пока не обезврежено. И вот что происходит дальше с душевным состоянием Веры, когда КО выходит из под её контроля?

«Уже давно Вера не видела Маняшу... Вера стала вспоминать историю своих отношений с Маняшей, и чем дольше она вспоминала, тем крепче становилось в ней убеждение, что во всем виновата именно Маняша... она решила отомстить и стала готовить гостинец к встрече с Маняшей»... - гостинцем был топор имени Фёдора Михайловича Достоевского.

Сцена последней встречи с Маняшей изобилует откровениями:

«Вера с недоумением и страхом рассказала про свои галлюцинации... Маняша оживилась.

- Это как раз понятно, - сказала она. - Дело в том, что ты знаешь тайну жизни, поэтому способна видеть метафизическую функцию предметов. Но поскольку ты не знаешь ее смысла, ты не в состоянии различить их метафизической сути. Поэтому тебе и кажется, что то, что ты видишь - галлюцинации. Ты пыталась объяснить это сама?

⁷ Вячеслав Иванов. О книге Владимира Паперного «культура ДВА»

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/papern/intro.php

- Нет, - сказала, подумав, Вера. - Очень трудно понять. Наверно, что-то такое превращает вещи в говно. Некоторые превращает, а некоторые нет... А-а-а... Поняла, кажется. Сами-то по себе они не говно, эти вещи. Это когда они сюда попадают, они им становятся... Или даже нет - то говно, в котором мы живем, становится заметным, когда попадает на них...

- Вот это уже ближе, - сказала Маняша.

- Ой, Господи... А я-то думаю: картины, музыка... Вот дура. А вокруг на самом деле говно, какая ж тут музыка может быть... А кто виноват? Ну, насчет говна понятно - вентиль коммунисты открыли. Хотя они ведь тоже внутри сидят...

- В каком смысле внутри? - спросила Маняша.

- А и в том, и в этом... Нет, если кто и виноват, так это, Маняша, ты, - закончила вдруг Вера и нехорошо посмотрела на бывшую уже подругу, так нехорошо, что та даже сделала шагок назад.

- Какой еще вентиль? И почему же я? Я, наоборот, столько раз тебе говорила, что все эти тайны никакой пользы тебе не принесут, пока ты со смыслом не разберешься... Вера, ты что?

Вера, глядя куда-то вниз и в сторону, пошла на Маняшу; та стала пятиться от нее прочь, и так они дошли до неудобной узкой дверцы, ведущей на маняшину половину. Маняша остановилась и подняла на Веру глаза.

- Вера, что ты задумала?

- А топором тебя хочу, - безумно ответила Вера и вытащила из-под халата свой страшный гостинец с гвоздодерным выростом на обухе, - прямо по косичке, как у Федора Михайловича.

- Ты, конечно, можешь это сделать, - нервничая, сказала Маняша, - но предупреждаю - тогда мы с тобой больше никогда не увидимся.

- Да это уж я сообразить могу, не такая дура, - замахиваясь, вдохновенно прошептала Вера и с силой обрушила топор на Миняшину седую головку.

Раздались звон и грохот, и Вера потеряла сознание.

Придя в себя от рокота за стеной, она обнаружила, что лежит в примерочной кабинке с топором в руках, а над ней в высоком, почти в человеческий рост, зеркале зияет дыра, контурами похожая на огромную снежинку.

"Есенин", - подумала Вера.

Самым страшным Вере показалось то, что никакой двери в стене, как оказалось, не было, и непонятно было, что делать со всеми теми воспоминаниями, где эта дверь фигурировала. Но даже это уже не имело никакого значения - Вера вдруг не узнала саму себя. Казалось, какая-то часть ее души исчезла. Все вроде бы осталось на месте - но исчезло что-то главное, придававшее остальному смысл; Вере казалось, что ее заменили плоским рисунком на бумаге, и в ее плоской душе поднималась плоская ненависть к плоскому миру вокруг».

«... ее ненависть отражалась в окружающем - что-то содрогалось за стенами, и посетители магазина, или туалета, или просто подземной ниши, где прошла вся ее жизнь, иногда даже отрывались от изучения размазанного по прилавкам говна и испуганно оглядывались по сторонам.

Вера с ведром в руке стояла напротив длинной стойки с одеждой, где вперемешку висели дубленки, кожаные плащи и похабные розовые кофточки, и рассеянно смотрела на покупателей, щупающих такие близкие и одновременно недостижимые рукава и воротники, когда у нее вдруг сильно кольнуло в сердце. И тут же гудение за стеной вдруг стало невыносимо громким; стена задрожала, выгнулась, треснула, и из трещины, опрокинув стойку с одеждой, прямо на закричавших от ужаса людей хлынул отвратительный черно-коричневый поток...

Когда Вера пришла в себя, «Оказалось, что она плывет вдоль Тимирязевского бульвара в

черно-коричневом зловонном потоке, плещущем уже в окна второго или третьего этажа» «Вокруг, насколько хватало взгляда, плескалась темная жижа, по которой плыли скамейки, доски, мусор и люди.

Вера помотала головой и сообразила, что то, что она принимала за боль в ушах, было на самом деле оглушительным ревом, несущимся откуда-то сзади. Она оглянулась и увидела над поверхностью жижи что-то вроде горы, образованной бьющим снизу потоком точно в том месте, где раньше был ее подземный дом».

Не берусь судить, кто кому является Нострадамусом, но фигуры речи из интервью Владимира Паперного очевидно красочным образом вписываются в концепцию положений, происходящих с литературным героем Виктора Пелевина: «Если говорить огрубленно, то *"Культура Один"* - это культура растекания...» - изрѣк Владимир Паперный.

Елена Фанайлова: А можно ли говорить, что какой-то социальный взрыв или выброс социальной энергии сопутствует *"Культуре Один"*?

Владимир Паперный: Ну, он в данном случае сопутствовал, но это не обязательно. Во всяком случае, это всегда связано с растеканием...»⁸

«Течение несло Веру вперед, в направлении Тверской. Уровень жижи поднимался со сказочной быстротой... Поток теперь несся намного быстрее, чем несколько минут назад; сзади и справа над торчащими из черно-коричневой лавы крышами виден был огромный, в полнеба, грохочущий гейзер...» - продолжает Виктор Пелевин.

«Блажен, кто посетил сей мир, - шептала Вера... - в его минуты роковые...»

«"Интурист" превратился в возвышающийся над темными волнами утес. Из его окон высовывались ярко одетые иностранцы с видеокамерами на плечах; те, что были в верхних окнах, что-то ободряюще орали и показывали большие пальцы; те, что были в нижних, которые уже затопляло, суетливо крестились, швыряли вниз чемоданы и прыгали за ними следом; их быстро и жестоко топили кишащие в говне таксисты, и шли на дно следом, увлекаемые тяжестью отобранных чемоданов.

Вера увидела плывущий рядом земной шар и догадалась, что это глобус из стены Центрального телеграфа. Она подгребла к нему и ухватилась за Скандинавию...» - Это к вопросу об эмиграции.

«Дело в том,- говорит Владимир Паперный - что некая травма сталинизма у разных людей проявлялась по-разному. И я, хотя я не был жертвой сталинизма ни в каком смысле (я жил в очень привилегированной семье и в очень привилегированных условиях), но вот эта травма, безусловно, у меня была. Для меня написание этой книги было процессом освобождения от этой травмы, отдаление от нее, попытка взглянуть на нее со стороны. И, как я уже сказал, инерция этого отдаления, в конце концов, вытолкнула меня из страны... Если бы мне хотелось, чтобы эта книга на кого-то повлияла, то только как пример возможности освобождения. Если долго над чем-то думать, то от этого можно освободиться»⁹.

И Вера думала...

«...со второй попытки вскарабкалась на синий купол, уселась на выделенное красным государство трудящихся и огляделась...»

⁸ Интервью Владимира Паперного с Еленой Фанайловой. Радио «Свобода». 28.05.2006. 12:00. <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/159250.html>

⁹ Интервью Владимира Паперного с Еленой Фанайловой. Радио «Свобода». 28.05.2006. 12:00. <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/159250.html>

«Где-то вдалеке торчала из говна Останкинская телебашня, еще были видны похожие на острова крыши, а впереди медленно наплывала как бы несущаяся над водами красная звезда» – последний оплот КД, но... - «когда Вера приблизилась к ней, ее нижние зубья уже погрузились»... «Вера еще раз оглянулась по сторонам, удивилась было той легкости, с которой исчез огромный многовековой город, но сразу же подумала, что все изменения в истории, если они и случаются, происходят именно так – легко...»

«Думать совершенно не хотелось...» - освобождение, видимо, уже произошло - «...хотелось спать, и она прилегла на выпученную поверхность СССР, подсунув под голову мозолистый от швабры кулак».

Когда она проснулась, мир состоял из двух частей - предвечернего неба и бесконечной ровной поверхности...»

И в облике маршала Пот Мир Супа на надувной лодке к ней подгробал всадник апокалипсиса, наверное.

«- Вэра, - сказал он с сильным восточным акцентом, - ты знаэш, кто я такой! В его голосе было что-то ненатуральное.

- Знаю, - ответила Вера, - кой чего читала. Я уже все поняла давно, только вот там было написано про туннель. Что должен быть какой-то туннель.

- Тунэл хочиш? Сдэлаэм.

Вера почувствовала, что часть поверхности глобуса, на которой она сидела, открывается внутрь, и она падает в образовавшийся проем. Это произошло очень быстро, но она все же успела уцепиться руками за край этого проема и стала яростно дрыгать ногами, ... - но под ногами и по бокам ничего не было; была только темная пустота, в которой дул ветер. Над ее головой оставался кусок грустного вечернего неба в форме СССР ... и этот знакомый силуэт, всю жизнь напоминавший чертеж бычьей туши со стены мясного отдела, вдруг показался самым прекрасным из всего, что только можно себе представить, потому что кроме него не оставалось больше ничего вообще.

- Тунэл хатэла? - послышалось оттуда, из прекрасного мимолетного мира, который уходил навсегда, и тяжелое весло ударило Веру сначала по пальцам правой, а потом по пальцам левой руки; светлый контур Родины завертелся и исчез где-то далеко вверх...».

Заканчивает рассказ свойственная творчеству Виктора Пелевина метафизическая концовка. В её метафизике невозможно не увидеть всем знакомые атрибуты КД.

Это удар веслом по пальцам, приёмник распределитель, комиссия, назначающая место душе в загробном гербарии, которым является какая-либо персонализация какого-либо образа в созданном человечеством же мире художественной литературы. Где душа должна страдать через бесконечное прочтение её образа всё новыми и новыми читателями. Образ неподвижен, как тюрьма. Персонаж проходит всегда один и тот же сюжетный круг.

Вот суд над Верой.

«- Тут одна с солипсизмом на третьей стадии, - сказал как бы низкий и рокошущий голос, - что за это полагается?»

- Солипсизм? - переспросил другой голос, как бы высокий и тонкий. - За солипсизм ничего хорошего. Вечное заключение в прозе социалистического реализма. В качестве действующего лица.

- Там уже некуда, - сказал низкий голос.

- А в казаки к Шолохову? - с надеждой спросил высокий.

- Занято.

- А может в эту, как ее,- увлеченно заговорил высокий голос, - военную прозу? Каким-нибудь двухабзацным лейтенантом НКВД? Чтоб только выходила из-за угла, вытирала со лба пот и пристально вглядывалась в окружающих? И ничего нет, кроме фуражки, пота и пристального взгляда. И так целую вечность, а?

- Говорю же, все занято.

- Так что делать?

- А пусть она сама нам скажет, - пророкотал низкий голос в самом центре Вериного существа. - Эй, Вера! Что делать?

- Что делать? - переспросила Вера, - как что делать?

И вдруг вокруг словно подул ветер - это не было ветром, но напоминало его, потому что Вера почувствовала, что ее куда-то несет, как подхваченный ветром лист.

- Что делать? - по инерции повторила Вера и вдруг все поняла.

- Ну! - ласково прорычал низкий голос.

- Что делать!? - с ужасом закричала Вера. - Что делать!? Что делать!?

Каждый из ее криков усиливал это подобие ветра; скорость, с которой она неслась в пустоте, становилась все быстрее, а после третьего крика она ощутила, что попала в сферу притяжения некоего огромного объекта, которого до этого крика не существовало, но который после крика стал реален настолько, что Вера теперь падала на него, как из окна на мостовую.

- Что делать!? - крикнула она в последний раз, со страшной силой врезалась во что-то и от этого удара заснула - сквозь сон донесся до нее бубнящий монотонный и словно какой-то механический голос:

- ... пять лет не видал своих стариков в Рязани,- съезжу к ним. До свиданья, Верочка. Не вставай. Завтра успеешь. Спи».

Вывод.

Чтобы находится в поле одной и той же дискуссии, полемизирующим не обязательно присутствовать в границах одного и того же пространственно-временного континуума.

Это косвенно подтверждает циклическую теорию развития времени. Если бы кто-то из очно или заочно присутствующих прошёл бы через точку бифуркации, по теории вероятности, он просто бы не вписывался в унисон представлений. Потому что точка бифуркации - это прежде всего точка невозврата, и, следовательно, атрибут линейной теории развития времени. Но такая теория - лишь идеальная модель с идеальными атрибутами. То, что мы можем констатировать - это только Один и Два, и бесконечно мечущееся между ними время. Из поколения в поколение мириады людей проживают жизнь Веры Павловны, не встречая на своём пути никакой точки бифуркации, однако они готовы насмерть стоять за иллюзию того, что она есть. – Где-то на западе или востоке она, несомненно, есть. Там другая структура течения времени. Там нет жадности и глупости. Там одни только гранты и программы по защите свидетелей. Свидетелей и Иеговы.